

Анна Габамик

Ничего личного

Рассказы

Анна Габамик

Ничего личного (сборник)

«Издательские решения»

2014

Габамик А.

Ничего личного (сборник) / А. Габамик — «Издательские решения», 2014

Рассказы о любви и об одиночестве, о мужчине и о женщине, и о любимом городе.

© Габамик А., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

Очень личное	5
Голубой мальчик	7
Квартирант	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Габамик

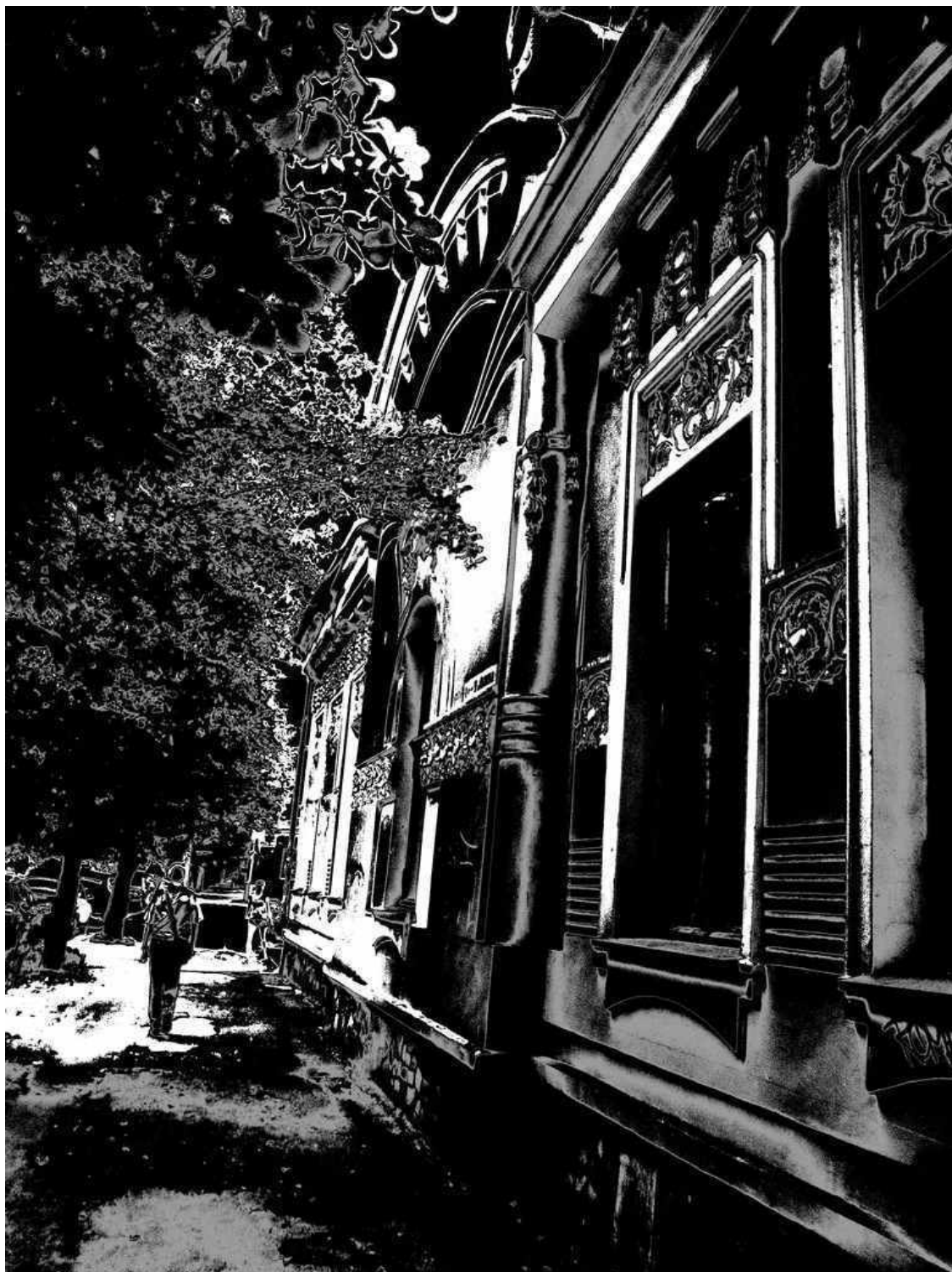
Ничего личного

Рассказы

Посвящается В.А.

Очень личное

Это так удивительно. Это так волнует каждый раз. К этому невозможно привыкнуть. Я, как подросший Буратино, уже давно зашедший за потайную дверь с нарисованным очагом, но только сейчас обнаруживший, что и у тебя есть такая же. А самое необычное, что это одна и та же комната. Только теперь ты впускаешь меня со своего входа. И... я вхожу. Осматриваюсь. На ощупь, чтобы ничего не опрокинуть, передвигаюсь по ней. Но, есть одна особенность: очертания предметов в твоей комнате – они не такие отчетливые, как в моей. Для меня, не такие явные. Мне в ней уютно, интересно. «Будь, как дома», – почти произносишь ты. «Почти», потому что не произносишь – просто говоришь о себе. Но я чувствую себя даже лучше, чем дома. Я – гость, но ты такой радушный хозяин. И вдруг, что-то в комнате становится выпуклым, четким и узнаваемым. О! И у меня есть такое же! И таких вещей все больше. Прикасаясь к ним, я уже одновременно и в своей комнате. Это может быть что угодно. От звука Каприза Паганини, книги Ремарка, отношения к жизни в провинции, улочек в общем городе юности или предпочтения кофе чаю. И самое главное – это то, над чем мы смеемся вместе.

И вот, когда я уже так настроена и плыву в этом потоке узнавания и похожести, ты, вдруг, присылаешь гневную реплику: «Опять снега навалило!» И маленькая девочка во мне вспыхивает негодованием: «Предатель!» А вот как залеплю снежкой, прямо по твоей черной курточке! Снег ему не нравится!

25.01.13

Голубой мальчик

– За тобой глаз да глаз нужен.

– Ну, уж точно – не твой, – хмыкнула она и ушла в свою палату.

Вот досада, старушки уже улеглись спать и не почитаешь. Ну и ладно. Она взяла очередную книгу Ремарка и направилась на первый этаж. Там никто не помешает, не потревожит. Дверь в приемное заперта. По лестнице никто не ходит. Разве что, какой-нибудь пациент спустится позвонить с автомата домой. Но это точно не помеха.

Она уже освоилась за месяц пребывания в больнице. Ей нравилось, что можно вдоволь читать, что ее не беспокоят звонки, знакомые и не надо ходить на скучную работу. Процедуры и врачи занимали сравнительно немного времени. Лечение шло своим чередом, а она жила в мире «Трех товарищей» и никак не могла представить, какой же может быть женщина, чтобы ее так любили. Ей были понятнее три товарища, а вот в реальность такой подруги она не верила. «Так не бывает», – думала она. Впрочем, как не бывает и книг вообще без женщин. И она прощала Ремарку такое следование шаблону.

– То же мне, защитник! – негодовало что-то внутри нее. – Как будто мне нужна его защита или чей-то присмотр.

Наконец-то получилось сосредоточиться на чтении. Ей нравился этот автор. Отец обещал принести из библиотеки все его, что там будет. Ремарк был кстати в этой обстановке, он создавал такое подходящее ощущение остановившегося времени.

Заключение... Уже месяц, даже больше, она здесь, а этот мальчишка пришел не так давно. Ну, говорят они каждый вечер в коридоре, пока медсестра уже не разгонит по палатам, потому что слишком громко смеются, правда утром и не вспомнишь из-за чего. Ну, переживает она, когда после утренних процедур не видит его больше получаса на их обычном месте, у стены, в коридоре, между дверями палат. Ну и что? Это же не дает ему повода разговаривать с ней, как... Наверное, так говорят парни со своими девушками. А может еще и хуже говорят. Вон у Ремарка еще и нежничают. Ей не нужно ни того ни другого. Фу ты, ну ты! Защитник, выискался. И что он привязался! Все. Читать.

В ее мире все было predetermined, все контролировалось родителями, и не было места сантиментам. В свои восемнадцать лет, она была «умной, но некрасивой», как давно уже определил ее отец. А для мамы она была нянькой и посредственной домработницей, буквально была ей по средствам. Более светский вариант – «наша помощница». В этом году не поступив в институт, она добавила еще несколько веских определений в свою характеристику, но ни у кого не вызывало сомнений, что поступит в следующем, потому что теперь то уж точно слушает маму с папой и будет подавать документы, куда надо.

Отдельным подарком здешнего пребывания было то, что мать за весь месяц ни разу не пришла проведать. Отец навещал чуть не каждый день: приносил книги, продукты, они немного разговаривали и он спешил на работу. Здесь, в больнице ей было свободнее и легче, чем дома. Никто не давил, не упрекал, не воспитывал и не расстраивал ее. Ну, разве что, поспорить с Голубым Мальчиком – вот и все волнения. Или еще попадет какой-нибудь студент с фарингитом и как только может начать говорить и выложит ей всю свою подноготную, так и выпишется на следующий день. Ее не тяготила роль исповедника, с ней охотно делились своими историями. А она слушала. В декабре было много таких простуженных и быстро поправляющихся студентов. Голубой Мальчик во время этих излияний, наблюдал за ней издали, проходил мимо время от времени, а утром делал вид, что не замечает ее. Ей было не понятно, почему нужно так по-детски вести себя. Было странно так же то, что его флирт с другими девушками задевал ее, и она откровенно грубила им обоим. Потом были снова разговоры обо всем на свете у стены. И это затягивало, казалось, что так будет всегда. В этом замкнутом

и безопасном пространстве больницы. Мальчик, у которого неизлечимый порок сердца, синие губы, ногти и голубая больничная пижама. И девочка, в домашнем халате, никогда еще в жизни не пользовавшаяся косметикой, единственным украшением которой был маникюр, который она сама себе и делала.

Мальчик остался стоять у стены.

– Смешная девчонка. Умная и такая глупая еще. И бегают быстро, – думал он улыбаясь. – А ведь обиделась. Надо ее найти, – говорил он сам себе, выходя из манипуляционной.

В столовой нет, в умывалке тоже. В палате уже спрашивал, значит, снова сидит под лестницей, читает. Сейчас пойду и напугаю ее, потом посмеемся.

«Что-то сегодня все раздражает. Дурак, этот мальчик. И позвонить всем срочно понадобилось, – это был, пожалуй, первый вечер, когда девочка хотела оказаться дома. – Там тоже можно спрятаться, не смотря ни на что».

«Вот, чего этот тип уселся рядом? Телефон ждет? Хоть бы не заговорил со мной, видит же, что я читаю. Наверняка, у него тоже есть история. Как надоели все. Я что, исповедник?! Вот уже рассказал свой диагноз... А что мне так тревожно?» -девushка мельком взглянула на непрошеного соседа. Он тяжело дышал и потирал руки. Лицо его покраснелось. Какой-то липкий страх собрался комком в животе у нее. Они были одни. Совсем одни под лестницей у запертой двери. И наверху лестницы дверь тоже закрыта. Сами собой начались просчеты – как сбежать? Путь только один – мимо него. Девушка, инстинктивно, как только могла, натянула халат на колени, судорожно вцепилась в книгу.

– А так хочется прижать к себе женщину и, чтоб она меня поласкала, ты же понимаешь, – продолжал говорить мужчина, наклоняясь над ней.

Девушку захлестнула волна ужаса. Драться, кусаться, что угодно, но он ведь такой здоровенный мужик. Господи! ну хоть кто-нибудь, хоть по ошибке, загляните сюда!

– Тебя медсестра уже обыскала, ругается, что найти не может, – мальчик. Это он.

Больного, как ветром сдуло.

– Ты в порядке?

– Он... он, – девушка не могла связать двух слов.

– Та, козел он старый. Пошли. Холодно тут.

И они вместе поднялись по лестнице.

Перед наступлением Нового года самым частым вопросом был: «Ты выписываешься?» Мальчик сказал, что еще дней десять его здесь продержат, нужны дополнительные обследования и к какому-то профессору обещали свозить на консультацию. А ее уже готовили к выписке. И тут созрел план, который она немедленно и привела в исполнение. Выждав, когда освободится лечащий врач, девушка зашла в кабинет и равнодушным, спокойным, как ей казалось, тоном сказала, что хотела бы пройти курс массажа, ведь врач хотела сама включить его в лечение, но тогда не было массажиста, а теперь появился, ну и вот. Пожилая женщина в белом халате посмотрела на пациентку поверх очков, полистала историю болезни и назначила двухнедельный курс.

Трудно было скрыть радость и торжество на лице, с которым она, буквально, ворвалась в палату.

– Что, выписывают? – участливо спросили соседки по комнате.

– Совсем наоборот, – сказала девочка и уткнулась в книгу.

– Да у нее же тут любовь.

– Глупости! – и девушка, хлопнув дверью, выскочила из палаты.

В коридоре мальчика не было. Зато ее ждал сюрприз, давно уже, как оказалось, ждал. Мама! Это была она. Зачем? Почему? Никогда это не предвещало ничего хорошего. Вот и сейчас тоже:

– Собирайся.

– Мне же еще нужно долечиться, – с надеждой сказала девочка.

– Массаж? Да, врач сказала. Я тебя на Новый год отпросила, первого снова сюда придешь. Давай, собирайся, а то мне уже жарко тут стоять.

Мысли лихорадочно проносились в голове. Найти мальчика. Предупредить его. Где же он. В палате нет. В манипуляционной только медсестра. В умывалке нет. Где он?! И тут пришло другое решение. Она собрала вещи, спрятала то, что оставалось в больнице до возвращения, заправила койку и попросила:

– Если ОН спросит, где я, скажите, что выписалась, хорошо? – улыбнулась своему розыгрышу и уехала домой.

Дом был чужим и отвыкшим от нее. Праздник, а у них даже не прибрано. Мать с братом сидят в обнимку на диване и смотрят телевизор.

– Чем ты опять не довольна, убирай – скоро уже праздник.

Девочка молча ушла в ванную. Ей всегда было хорошо с водой. Она ее успокаивала, с ней хорошо думалось. И огромный плюс – ванная закрывалась, можно было побыть одной. Девочка помылась. Стала рассматривать свое лицо в зеркале и решила сделать то, чего не позволяла себе никогда. Девочка взяла рейсфедер и выщипала брови на переносице и вообще сделала их немного тоньше. Лицо стало сразу другим. Может красивым? Она очень надеялась на это. Очень. Только бы мама не заметила, а то, как начнет... Мама не заметила.

Была новогодняя ночь. И было так приятно загадать желание, вернее предвкушать, как уже днем она увидит Голубого Мальчика, как он удивится и обрадуется, и они будут смеяться над ее розыгрышем, над ее подарком – возвращением.

Девочка влетела в палату и остановилась с ужасом глядя на скорбные лица соседок.

– Бедная девочка, а его нет, – услышала она.

– Он умер?! – других вариантов его отсутствия она не могла представить.

– Нет! Бог с тобой! Он выписался.

27.01.13

Квартирант

Она вышла из поезда. Дошла до скамейки и присела покурить. Вот все хорошо на море, кроме жары в поезде на обратном пути.

– Простите, не помешаю? – парень явно нервничал и, не дожидаясь ответа, уселся рядом.

Она равнодушно курила возле ерзавшего и все время поглядывавшего на часы молодого человека. Он начинал нервировать ее. После духоты вагона, это уже было слишком.

– Поезд опаздывает или Вас забыли встретить? – спросила она.

– Забыли, – уныло выдохнул он и обмяк сразу, затих.

– А Вы не местный, да? Учиться приехали?

– А Вы, что ясновидящая? – огрызнулся он.

– Угадал. Бери мой чемодан, пошли.

Юноша молча послушался.

Всю дорогу до дома, она ни разу не обратилась к нему, не оглянулась, следует ли он за ней. Эта ее уверенность, вела молодого человека. Он покорно нес вещи, боялся не поспеть, потерять из виду.

Жила она в самом центре города и так получилось, что рядом с институтом, где ему предстояло учиться. Старый дом, еще довоенной постройки. Огромные окна, серый фасад, большой двор. Так называемый, тихий центр. Он не мог позволить себе снять здесь комнату. Он даже и не мечтал об этом. «Вот донесу чемодан, – думал он. – Классно жить здесь. Все рядом».

Огромные пролеты лестниц. Прохладный подъезд. Поднялись всего лишь на второй этаж, а казалось, что все, ну не четыре, а три, так точно. Она открыла дверь, вошла и ждала, когда он переступит порог.

– Вот, доставил, – начал было, он.

– Доставил и хорошо. Входи. Закрывай дверь. Поставь здесь вещи, сейчас разберемся, что куда, – она ушла в коридорчик, где располагались ванная и туалет.

– Ты все еще здесь? – спросила хозяйка вернувшись.

– Я же не мог уйти – кто бы за мной закрыл?

– А кто сказал, что ты можешь уйти? Я имела в виду, что ты все еще в коридоре стоишь, – она улыбнулась и подтолкнула его в направлении кухни.

– Смотри, как я готовлю кофе, это будет входить в твои обязанности, а повторять я не люблю. Кстати, ты будешь?

– Да, спасибо, но я...

– Подожди, – перебила она, – сейчас отдышусь и все обсудим.

Она разлила кофе по маленьким чашкам из тонкого фарфора и села напротив него.

– Давай знакомиться. Жанна.

– Саша.

– Редкое имя, – засмеялась она, – Сейчас я покажу тебе твою комнату, Александр. Сколько ты можешь платить?

Он ответил.

– Это недостаточная сумма, как ты сам понимаешь, но у меня есть предложение.

– Я думаю, что приму его, – ответил Александр и поднял глаза от остывающей чашки, в которую вцепился так, что даже кончики пальцев побелели.

– Хорошо, пойдем, покажу, где ты будешь теперь жить.

Комната была справа от входной двери, светлая и просторная. Хозяйка продолжала экскурсию по квартире. Еще одна, просто огромных, как ему показалось, размеров. В этой комнате была какая-то темная, замысловато отделанная мебель и зашторенные окна, создававшие полумрак. И комната ее, хозяйки. Окна здесь выходили во двор, в ней было тише всего и уютнее. Саше очень нравилось в этой, новой для него, обстановке. Высокие потолки, огромные окна, непривычно большие комнаты с лепниной и старой мебелью. После маленькой и тесной квартиры в таком же маленьком провинциальном городке, где он вырос, ему представлялось, что он попал в какой-то иной срез времени. Туда, где живут еще размеренно и чинно, не спеша пьют кофе по утрам, а в пять вечера собираются за чаем. «Как в английских романах», – подумал он. Только вот хозяйка его притягивала и пугала одновременно. «И не сказала же она про дополнительные условия! – вспыхнула и погасла мысль. – А может она, все-таки добрая колдунья? – улыбнулся он про себя. – И всегда можно уйти».

И так, он живет и учится в этом большом и незнакомом городе.

В городе снобов, которые, как бы невзначай, говорят знакомому с соседней улицы: «Да, жаль, что Вы живете не в центре. Я бы не смог жить нигде, кроме Нагорного».

В городе, где говорят на языке, понятном всем, но этот язык все же не официальный в стране. Здесь у каждого района есть свой сленг и даже акцент. Со временем, Александр тоже стал «ясновидящим».

В этом городе жило, училось, работало, приезжало на время и оставалось навсегда столько людей, что никакая перепись населения не могла быть достоверной.

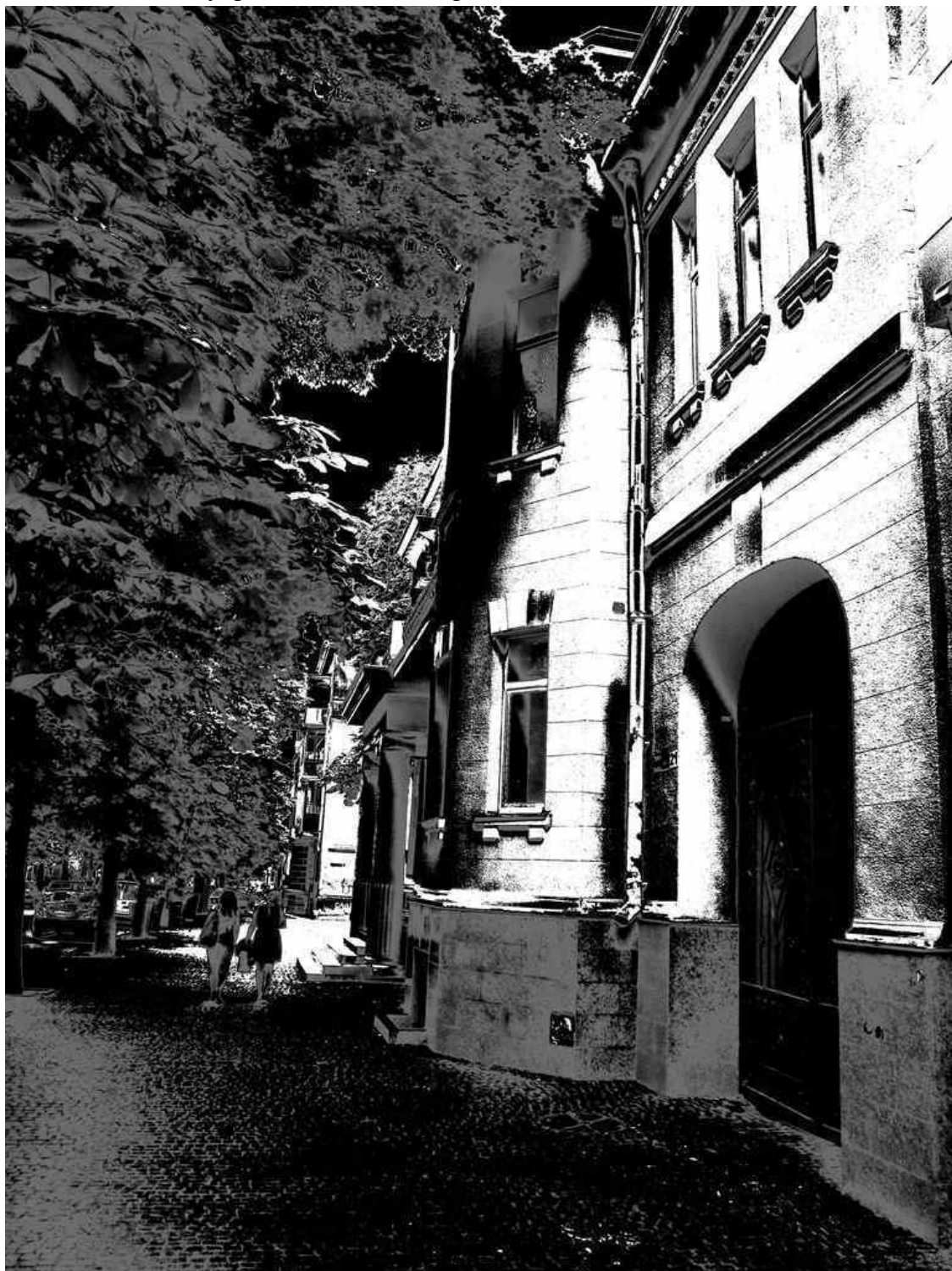
В городе, который, наравне со всеми возможными оттенками серого, любил и лелеял свои карамельные домики. Улицы старого центра были похожи на коробку с леденцами, а брусчатка оказалась на столько, не подвластной времени, что пережила все тротуары вдоль нее.

«А Вы знаете, если посмотреть налево, то эта улица похожа на Питер, а если направо – то на Москву,» – заметил как-то столичный актер, стоя спиной к любимому театру горожан. Такая оценка грела сердце, хотя этот факт и отдавал провинциальностью. Город знал про себя, что он уже не столица. Знал, но благосклонно принимал гастрольные спектакли сразу после столичной премьеры. У него была и своя театральная школа, и традиция, и легенда-скандал, с нею связанные.

Город знал, также, что жить в нем спокойнее, сытнее, чем в столицах. Что здесь многое рождалось, вызревало, но вынуждено было уйти, чтобы не уснуть, не успокоиться, чтобы развиваться дальше. Город был щедр и равнодушен одновременно. Просто нужно было знать, где и что лежит и взять, если ты мог. Город был не против.

Саша привык вставать рано, но так рано, как будили его дворники, весело, шумно и с матерком сгребаящие листья, ему и не нужно было вставать. Почти сразу же начинали ходить троллейбусы. Остановка, на которую смотрели окна его комнаты, наполнялась людьми, голосами, шумом проходящего транспорта. Город просыпался, открывал двери и окна, варил кофе, закуривал первую утреннюю сигарету, обычными маршрутами разбирал своих подопеч-

ных по рабочим местам. Город осматривал постепенно проявившиеся в солнечных лучах дома, мыл их дождем, украшал осенними деревьями и цветами.

И дом жил полной жизнью: давал приют магазинам и конторам, пристально следил за людьми на остановках, у своих парадных, приветливо расставлял скамейки, терпел на них с утра и до позднего вечера случайных и уже знакомых людей, не гнал также уставшего или подвыпившего прохожего ночью. Но вся эта жизнь, очевидная и суматошная только с фасада. Подъезды проходные, через них можно попасть во двор. И там, во дворе на тебя обрушивается тишина. Крики детей на качелях и в песочнице, приветствия выгуливающих собак жильцов, только подчеркивают громкость этой тишины. Здесь свой мирок, свой собственный.

С определенными, раз и навсегда, уже, не известно, кем и когда, установленными правилами. Здесь можно сидеть допоздна и даже петь под гитару, а здесь нельзя ни в коем случае. Здесь можно кормить голубей, а вон там, нет – сразу тебе и напомним. Здесь, не договариваясь, встречаются у подъезда, чтобы утром начать пробежку. Здесь, идя за молоком, оборачиваются к окнам и кивают, что значит: «сегодня я тебе займу очередь». Здесь с одного балкона зовут ребенка домой, а с другого отвечают, что вот только видели, как он с тем самым Серегой пошел в школьный двор. И подъезд выпускает рассерженную маму, чтобы вернуть беглеца. Здесь так обманчиво тихо, что беспечные влюбленные, случайно догулявшие до этого двора и впервые целующиеся на скамейке, рискуют быть выведены из приступа романтизма заурядным и отрезвляющим звуком спускающейся воды в унитазе. Здесь ни на что не нужно спрашивать разрешения, здесь просто нужно жить, быть принятым, допущенным ко двору.

В доме соединялись фасадная, светская и дворовая, доверительная жизнь.

Саша открыл дверь, теперь это тоже входило в его обязанности. На пороге стоял молодой человек. В строгом темном костюме, начищенные туфли, прическа – волосок к волоску, гладко выбритое лицо. В таком виде можно официально просить руки невесты у отца семейства, подумал Саша.

– Здравствуйте, вы не могли бы одолжить мне швабру?

Жанне показалось, что пауза у двери слишком затянулась. Она вышла в коридор и спросила:

– Кто там, Саша?

– Не знаю, мужчина какой-то, – он обрадовался помощи.

– Что ему нужно? – не подходя к двери, уточнила хозяйка.

– Швабру просит.

– Так обеспечь ему, ты же знаешь, где взять.

Через минуту Саша уже вручил швабру терпеливо ожидавшему молодому человеку.

– О! Какая длинная! То, что нужно. Я сейчас верну, – сказал тот и пошел к лестнице.

Саша за ним. Мужчина поднялся на один пролет и стал заправлять швабру между решеткой на окне и самим окном.

– Что Вы делаете?

– Цветы достать хочу, – отвечал незнакомец, – вон они, видите, внизу на подоконнике.

– А снизу их подцепить не проще? – Саша включился в процесс спасения цветов.

– Можно попробовать, что-то сверху не достать никак, – Саша получил швабру обратно.

Спустившись по лестнице, он стащил букет с высокого подоконника.

– Спасибо, – сказал молодой человек и направился вверх.

– А как цветы туда попали? – не выдержал Саша.

– Я положил их сверху на решетку, а они свалились вниз.

– Зачем положили?

– Прикурить хотел.

– Аааа, – протянул Саша.

– Всего доброго, – сказал незнакомец.

В ответ на подробности спасения цветов, Жанна сказала:

– Не очень удивляйся, завтра случится такое же.

Саша не знал, что это цитата и, открыв на следующий день дверь незнакомой девушке, уже явно подозревал в хозяйке магические способности.

Девушка поздоровалась и попросила растворитель или, хотя бы ацетон.

– А что у Вас случилось? – Саша пытался уже не удивляться.

– Я юбку краской испачкала, – девушка повернулась и показала, обтянутую джинсовой юбкой в оригинальную скамеечно-зеленую полоску, крепкую попку.

– Где же Вы так?

- У Вас во дворе скамейки окрашены.
- Я спрошу, сейчас, – Саша направился к Жанне.

В доме нашлась только смывка для лака. Ее как раз и хватило на девушку.

Любой, зашедший с улицы человек мог рассчитывать на внимание в этом доме, а вот Саша не понимал, как ему сблизится с хозяйкой, да и надо ли. Она вела себя так, словно его не было. Так не видят хорошо вышколенную прислугу. Он убирал во всей квартире, включая ее комнату. Готовил кофе. Следил, чтобы регулярно забирали и привозили белье из прачечной. Ходил в магазин со списком продуктов. Все это было привычно и не сложно, но мысль, что Жанна потребует еще чего-то, не оставляла его. Знать бы чего. Друзья в институте удивлялись: как это ему так повезло снять комнату и строили догадки. Они вместе смеялись над предположениями об усыновлении и завещании, но разница в двадцать три года будила в нем совсем другие желания, он даже себе боялся признаться в них.

Курил Саша на балконе, хотя хозяйка курила еще и на кухне. Так повелось с самого начала и повода это изменить Жанна не давала. Саша варил кофе в одно и то же время, утром и хозяйка выходила «на запах», как он смеялся про себя. Она садилась спиной к двери, не приглашая за стол, а он робел, забирал свою чашку и уходил в комнату. От Жанны всегда исходил тонкий запах духов, утром еле слышный, смешанный с запахом ее тела, теплого и разнеженного после сна. Саша делал глубокий вдох, проходя мимо, и нес этот запах с собой, стараясь не расплескать его так же бережно, как и кофе.

Саша решил немного отвлечься от учебников. Поставил чайник и пошел на балкон покурить. Жанна очень редко заходила в эту комнату с балконом, а сейчас ее вообще не было дома. Ему нравилась темная точеная мебель. Он каждый раз проводил рукой по завитушкам на крышке комода. Сегодня, проходя мимо, Саша дотронулся до одной из кованых ручек и, вдруг, она отвалилась. От неожиданности квартирант отпрянул назад, беспокойно посмотрел по сторонам. Просто испортилось крепление, починить не составит труда, вот только чем? Где-то же должны быть хоть какие-то инструменты. Кое-что и нашлось внизу кладовки.

Саша выдвинул ящик, но этого оказалось не достаточно. Тот был до верха заложен так, что к ручке не подобраться, пришлось вытаскивать содержимое. Это были журналы мод 50-х годов, в очень хорошем состоянии. Один из них раскрылся. Из журнала высыпались фотографии. На них была красивая девушка, чуть старше его, в платьях моды тех лет. Манекенщица? Сдержанные позы и в то же время очень притягательные, сексуальные, женственные, но не вызывающие. Поражала такая талия девушки, красивые стройные ноги. Платья были с широкими, пышными или узкими, обтягивающими округлые бедра, юбками. Талия в них казалась еще тоньше. Высокая грудь была нарочно заострена бельем и это возбуждало. Волосы распущены или закручены в валики. Саша перебирал снимки, рассматривая фигуру, но, с каким-то смутным чувством узнавания, все больше всматривался в лицо. Следующая фотография была портретом. Да, сомнений быть не могло.

– Кажется, у меня обыск и чайник сгорел. Больше я ничего не пропустила? – Саша поднял глаза, в двери и на фотографиях была Жанна.

- Простите, я не виноват, я могу объяснить.
- Следуй за мной, – слишком спокойным голосом сказала хозяйка.

Саша попытался собрать рассыпанные журналы, но не успел:

- Немедленно.

Было ужасно стыдно, что его застали, как нашкодившего мальчишку. Так оно и было, конечно, но стыд же делал его беспомощным и послушным. Мальчик приготовился к выговору, не выгонит же хозяйка его, в самом деле, хотя, он так и не понял, чего ждать от нее. Жанна остановилась посреди своей комнаты. Саша переминался у двери с ноги на ногу.

– Расстегни змейку, – женщина медленно повернулась к Саше спиной. Застежка легко скользила вниз, пересекла талию и раскрыла платье, туго обтягивающее Жанну. Саша пытался

не прикасаться к телу. Он боялся сорваться, боялся, что не сможет остановить себя, если только прикоснется к этой гладкой белоснежной коже, к этим россыпям родинок на плечах. Жанна изменилась, талия уже не была такой тонкой, как на фотографиях, но тело ее было еще более притягательным и волнующим. От нее исходила уверенность красивой женщины, знающей об этом и спокойствие, которое приходит с возрастом, когда уже не нужно ни доказывать, ни демонстрировать свою красоту, но можно выбирать на кого и как ими воздействовать. Если захочется. Если будет не лень. Она и вела себя, как ленивая и сытая кошка в построенном, отвоеванном, для себя, мирке. Ей было безопасно, приятно и скучно.

Саша так хотел прижать к себе эту женщину, слиться с изгибами ее тела, дотронуться до ее груди, задохнуться в ворохе ее волос, в дурманящем запахе, следы которого он слышал каждое утро. Но, он не смел прикоснуться, просто не смел.

– Помоги снять платье, – на конец-то услышал он.

«Только бы не повернулась, пусть приказывает что угодно, только пусть не смотрит на меня!» – думал Саша, снимая платье с плеч Жанны. Стыд нашкодившего мальчика сменился смущением неопытного, неумелого и восторженного подростка. Саша стоял так близко к женщине, что калейдоскоп запахов атаковал, завораживал, возбуждал его. Он сел позади Жанны на корточки и ждал, пока она не выйдет из платья, лежавшего вокруг ее ног. Он все еще сжимал в руках это платье, как спасательный круг. Жанна повернулась. Оперевшись на его плечо, она сделала шаг из круга платья и села в кресло. Он все еще стоял на коленях.

– Очень хорошо, продолжай, – голос ее был спокойным, ровным.

Ему казалось, что он уже начинает понимать правила игры. Саше нравилось, он предвкушал близость с этой роскошной, зрелой женщиной. Подросток уступил место победителю: «Так она тоже этого хотела! А всего-то нужно было сломать комод. Строила из себя такую холодную, тетеньке романтики захотелось, я – не против».

Жанна внимательно наблюдала за мальчиком. Из робкого и восхищенного, он мгновенно превратился в уверенного и самодовольного. «Всегда одно и то же, – подумала она. – Ну что ж, поиграем». Жанна подняла ножку в туфельке, мальчик продолжал смотреть ей прямо в глаза. Нет, он не понимал, нужно было объяснить, вернуть его на землю. Хозяйка наклонилась к нему, взяла за подбородок и чуть притянула к себе. Саша поддался. Он уже ждал, что теперь она поцелует его. Возбуждение, желание обладать нарастали, его все больше заводила эта прелюдия.

Не выпуская его подбородка, Жанна сильно ударила наглеца по щеке. Он схватил ее за запястья и сжал их.

– Это за сломанный комод! – спокойно произнесла хозяйка. Саша обмяк, опустил руки.

Хозяйка взяла подбородок другой рукой. Подняла лицо мальчика и пристально посмотрела ему в глаза. Тот не выдержал взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.